

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ПЕТРУНКЕВИЧ

Объявление прав человека и гражданина

Петроград : Освобожденная Россия
1917

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

[illegible]

А. М. ПЕТРУНКЕВИЧЪ.

≡ ОБЪЯВЛЕНИЕ ПРАВЪ ≡
ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ“.

№ 16.

Цѣна 8 к.

Декларация правъ.

26-го августа 1789 г. первое французское Учредительное Собрание, такъ называемая «Конституанта», издало первыя статьи французской Конституціи, которымъ она предпослала «Объявленіе о правахъ гражданина и человѣка».

Въ этомъ Объявленіи или, какъ говорятъ французы, въ этой «Декларации», законодатели Учредительнаго Собранія задались цѣлью изложить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ основныя начала справедливости, которыя затѣмъ должны были закрѣпиться въ подробныхъ законахъ.

Эти основныя начала справедливости, въ сущности, сводятся къ двумъ главнымъ: свобода личности и верховная власть народа.

Именно эти двѣ идеи и есть тѣ «принципы 1789 г.», которые громко, во всеуслышаніе Европы, провозгласила Французская Революція и въ этомъ ея вѣчная заслуга передъ человѣчествомъ.

«Декларация» это только общее указаніе на тѣ права человѣка и гражданина, обезпечить которыя должна Конституція.

Права, о которыхъ говорить «Декларация» есть права самыя основныя, присущія всякому человѣку только потому что онъ человѣкъ; права неприкосновенныя, неотъемлемыя, священныя.

Чрезвычайную важность этихъ правъ человѣка нужно было подчеркнуть особенно, дабы показать всѣмъ и каждому, что не только никакое отдѣльное лицо, будь онъ

даже министръ или самъ царь, но и никакая группа людей или партія и даже весь народъ въ цѣломъ, т. е. само государство, не смѣетъ посягать на эти права: они для всѣхъ священны. Другими словами Декларация защищаетъ права личности рѣшительно противъ всѣхъ: противъ лицъ, противъ группъ, противъ государства.

Въ этой защитѣ правъ человѣка, противъ всякихъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили и во имя чего бы они ни дѣлались,—громадное и вѣковѣчное значеніе Декларации: ее никогда не забудутъ, пока будутъ цѣнить свободу человѣка.

Какія же это права Декларация считаетъ извѣчно присущими человѣку?

Прежде всего—свободу, во-вторыхъ равенство—въ правахъ (но не въ имуществѣхъ).

Эти два права кажутся законодателямъ столь важными, что они признаютъ даже за всякимъ человѣкомъ особое право бороться съ угнетеніями.

Что же такое эта свобода, которую никто не смѣетъ нарушить, посягательство на которую недопустимо?

Декларация ясно отвѣчаетъ: свобода заключается въ правѣ дѣлать все то, что не вредитъ другому.

Этимъ опредѣленіемъ настоящей свободы Декларация ясно отличаетъ свободу отъ произвола. Истинная Свобода непременно думаетъ не только о себѣ, но и о другихъ; человѣкъ среди другихъ не свободныхъ людей не можетъ быть свободенъ; ибо если свободенъ только я одинъ, а другіе не свободны, то моя свобода есть привилегія, шаткая и ненадежная, какъ всѣ привилегіи: она не только не вѣчна, но она непременно скоропроходяща. Я могу быть свободенъ лишь въ мѣру, которая мирится со свободой другихъ.

«Произволъ», наоборотъ, думаетъ только о себѣ самомъ. Онъ столько же не терпитъ равенства, сколько свобода его требуетъ.

Но изъ этого разграниченія свободы отъ произвола возникаетъ другой вопросъ: кто же опредѣлитъ ту границу моей свободы, преступить которую я не могу, не нарушивъ чужой свободы?

Декларация на это отвѣчаетъ вполне ясно: *Законъ*.

На кто же творить этотъ законъ? — Весь народъ въ цѣломъ, непремѣнно весь народъ, а не отдѣльная какая-нибудь его часть. Всѣ граждане творятъ законъ, либо непосредственно, либо посредственно, т. е. черезъ выбранныхъ для этого депутатовъ.

Здѣсь мы подходимъ къ другой краеугольной идее Декларации: къ идее народнаго верховенства.

Эта идея, на ряду съ идеей личной свободы, о которой мы только что сказали, и составляетъ второе откровеніе революціонной Франціи.

Эта идея выражена въ статьяхъ третьей и шестой. Сказано такъ: «вся верховная власть сосредоточена въ націи, (т. е. въ народѣ): никакая группа лицъ, никакое отдѣльное лицо не можетъ властвовать если не уполномочено на то народомъ».

Въ этомъ заявленіи все важно: во-первыхъ, Франція этими словами порывала съ прежнимъ, долго господствовавшимъ въ Европѣ взглядомъ на верховную власть, считавшуюся данною отъ Бога королю, который по этому самому отвѣствененъ за всѣ свои дѣянія только передъ Богомъ, а не передъ людьми.

Во-вторыхъ, Франція не менѣе ясно утверждала, что эта верховная власть можетъ принадлежать лишь всему народу, а никакъ не какой-нибудь части его. Изъ этого слѣдуетъ, что никто, никакая партія и группа никогда не имѣетъ никакого права выдавать *свои* мнѣнія и желанія за мнѣнія и желанія всего народа: поступаая такъ, всякая партія является такимъ же самозванцемъ и обманщикомъ

какъ любой деспотъ, выдающій свою собственную волю за волю народа или государства.

Воля народа имѣетъ только одно законное и справедливое средство выраженія: это Законодательное Собраніе, состоящее изъ выбранныхъ народомъ депутатовъ.

Только одно это Собраніе депутатовъ, уполномочено рѣшать всѣ вопросы государства отъ имени всего народа и его волею.

Только рѣшеніямъ этого Собранія всѣ граждане обязаны повиноваться безусловно, какъ верховному владыкѣ. Ибо только это Собраніе дѣйствительно представляетъ верховнаго владыку, т. е. Самодержавный Народъ. Приводимъ ниже самый текстъ декларации.

Декларация правъ человѣка и гражданина.

1. Люди рождаются и остаются свободными и равноправными. Общественныя различія основываются только на общей пользѣ.

2. Цѣль всякаго политическаго общества есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и противленіе угнетенію.

3. Основа всякой верховной власти по существу своему находится въ народѣ. Никакая совокупность лицъ и никакое лицо не могутъ осуществлять власти, которая не исходила бы отъ самого народа.

4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другимъ; поэтому пользованіе каждымъ человѣка своими естественными правами не должно встрѣчать иныхъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, которые обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ Закономъ.

5. Законъ въправѣ запрещать только поступки такіе, которые вредны для общества. Все, что не воспрещено закономъ, не можетъ быть возбранено, и никто не можетъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не предписываетъ.

6. Законъ есть выраженіе общей воли народа. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ созданіи закона, лично или черезъ своихъ представителей. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, защищаетъ ли онъ, или караетъ. Такъ какъ всѣ граждане равны передъ закономъ, то всѣ они имѣютъ равный доступъ ко всякимъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, каждый по своимъ способностямъ и безо всякихъ другихъ различій, кромѣ различій въ ихъ добродѣтели и талантахъ.

7. Никто не можетъ быть привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, никто не можетъ быть арестованъ и никто не можетъ содержаться подъ стражею, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и не иначе, какъ съ соблюденіемъ предписанныхъ закономъ обрядовъ. Кто испроситъ, отошлетъ, исполнитъ, или поручитъ исполнить другимъ произвольный приказъ, тотъ подлежитъ наказанію; но всякій гражданинъ, вызванный или задержанный на основаніи закона, долженъ немедленно повиноваться, оказывая сопротивление въ *этомъ* случаѣ, онъ становится виновнымъ.

8. Законъ долженъ устанавливать только безусловно необходимыя наказанія, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ на основаніи закона, изданнаго и обнародованнаго до совершения проступка и примѣняемаго въ установленномъ порядкѣ.

9. Каждый предполагается невиновнымъ, пока онъ не будетъ признанъ виновнымъ по суду. Поэтому въ случаяхъ, когда признается неизбѣжнымъ подвергнуть кого-либо взятію подъ стражу, всякая мѣра, которая не представляется необходимой, чтобы пресѣчь возможность уклоняться отъ суда, должна строго возбраняться закономъ.

10. Никто не долженъ терпѣть гоненій изъ-за своихъ убѣжденій, хотя бы и въ дѣлахъ вѣры, лишь бы проявленіе ихъ не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

11. Право свободно сообщать свои мысли и свои мнѣнія — одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка; каждый гражданинъ можетъ поэтому свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая лишь въ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ за злоупотребленія этой свободой.

12. Для обезпеченія правъ человѣка и гражданина необходима общественная власть. Эта власть учреждена, слѣдовательно, ради общей пользы, а не ради частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена.

13. На содержаніе общественной власти и на издержки по управленію необходимы общіе взносы; они должны быть распределены между гражданами равномерно, согласно съ ихъ средствами.

14. Всѣ граждане вправе участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ рѣшеніи вопроса о необходимости общественныхъ взносовъ, свободно соглашаться на нихъ, слѣдить за разсчетованіемъ поступленій и опредѣлять ихъ способъ раскладки, источники, порядокъ и срокъ взиманія.

15. Общество вправе требовать отъ всякаго должностнаго лица отчета въ его управленіи.

16. Всякое общество, въ которомъ не установлены средства для обезпеченія правъ и не произведено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи.

17. Такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно, требуетъ этого, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія.

Идеи, провозглашенныя этой Декларацией Права, въ чистомъ своемъ видѣ не были осуществлены во Франціи, ни Конституціей 1791 года ни революціей послѣдующихъ годовъ.

Конституція погрѣшила противъ и Свободы, и Равенства, не создавъ такихъ законовъ, которые вполне обезпечивали-бы ихъ проведеніе въ жизнь, а жизнь погрѣшила противъ Свободы и Равенства потому, что люди, какъ оказалось, произнося устами эти великія слова, не умѣли согласовать съ ними своего поведенія: вѣковѣчная привычка къ беззаконію и къ насильничеству сдѣлала то, что революціонеры беззаконно и насильственно пытались привить свободу и равенство. Въ итогъ получилось, что свобода была совсѣмъ попорана, а вслѣдъ за нею и равенство.

Какъ все это случилось?

Люди, писавшіе Декларацию Правъ, громко провозгласили свободу изначальнымъ правомъ cadaго челоѣка. Но мало было провозглашать это право, мало было говорить о томъ, что свобода cadaго неприкосновенна. Нужно было (и это должна была сдѣлать именно конституція) сочинить непременно такіе законы, которые дѣйствительно давали-бы въ руки cadaму челоѣку, хотя бы самому маленькому, средства *защищать* свою свободу отъ всякихъ на нее покушеній.

Защищать свою свободу можно въ цивилизованныхъ государствахъ *только по закону и законамъ*; слпой мнѣ мою свободу никогда не отстоять, потому что сила всегда на сторонѣ и въ рукахъ государства, а не частнаго лица. Право-же, и выражающій право «законъ», находится и въ рукахъ частнаго лица, ибо права, какъ сказано въ Декларации, принадлежать не только государству, но и cadaму отдѣльному челоѣку, и эти права неприкосновенны.

Итакъ: защищать свободу личности можетъ и долженъ только законъ. Вѣдъ только законъ опредѣляетъ, какъ мы

выше видѣли, границу *моей* свободы и свободы *другого*. Переступить эту границу и значить совершить насилие, произволъ, беззаконіе. Законъ-же опредѣляетъ и кару за это беззаконіе, за это *переступаніе* черезъ заповѣдную черту, за это *преступленіе*.

Вотъ поэтому-то во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ свобода и неприкосновенность личности не есть звукъ пустой, всегда обращается особенное вниманіе на то, чтобы каждый человѣкъ получилъ широкую возможность обращаться къ защитѣ закона и суда противъ всякаго обидчика, какъ бы важенъ онъ ни былъ.

Ибо изъ всѣхъ посягательствъ на свободу человѣка всегда самыми опасными посягательствами являлись разные чиновники, которые, прикрываясь своимъ служебнымъ положеніемъ, часто безнаказанно совершали всякія правонарушенія.

Поэтому первой гарантіей свободы личности всегда является предоставленіе по закону каждому обывателю права жаловаться въ судъ даже и на должностныхъ лицъ.

Англія это давно и твердо усвоила. Тамъ для чиновниковъ нѣтъ особыхъ судовъ, нѣтъ и особыхъ законовъ: всѣ равны передъ ними.

Во Франціи-же въ 1791 г., да и позднѣе, до этого не додумались. Тамъ хорошо поняли только одно: что свобода есть неприкосновенное право человѣка, но какъ эту неприкосновенность закрѣпить на дѣлѣ — не придумали.

Придумали только одно средство, но весьма плохое: объявляли, что люди имѣютъ право «сопротивляться». Но это значило узаконивать войну, т. е. именно то, что въ благоустроенномъ государствѣ не можетъ быть терпимо.

Такимъ образомъ и вышло, что свобода провозглашенная Декларацией Правъ, оказалась на дѣлѣ *беззащитной по закону*, защищать ее. стало быть, можно было только

силой и потому всякій, кто въ данный моментъ былъ во Франціи сильнѣе, сталъ силкомъ навязывать другимъ свободу непремѣнно такую, какую онъ понималъ.

Въ 1793 г. Конвентъ — Второе Учредительное Собраніе Франціи — впалъ въ такое пренебреженіе законовъ, что на нѣкоторое, неопредѣленно долгое, время отмѣнилъ всѣ законы, всякую конституцію и заявилъ, что страна будетъ управляться революціонно и посредствомъ ужаса, — «террора», наводимого на всѣхъ, кто не подчинялся безпрекословно приказаніямъ всякихъ революціонныхъ начальниковъ.

Это было самое крайнее отрицаніе «свободы личности», которое и привело въ концѣ концовъ къ тому, что Франція, утомленная непрерывными незаконными казнями, возстала противъ тѣхъ, кто думалъ насаждать свободу путемъ насилія и низвергла ихъ какъ тирановъ.

Убіиства, хотя бы и называемыя казнью, никогда не могутъ породить ничего иного, кромѣ убійства-же.

Свобода принужденіемъ и страхомъ не насаждается; насилія она не терпитъ. Свобода есть вольный даръ, приобретаемый людьми, вышедшими изъ звѣринаго состоянія, умѣющими уважать въ каждомъ человѣкѣ себя равнаго, умѣющими любить въ каждомъ человѣкѣ своего брата. Свобода есть право каждого и защита свободы только въ законѣ, т. е. волѣ *всего* народа.

Чтобы вести войну — нужны деньги.

Подписывайтесь на заемъ свободы.

**Новое Правительство, облеченное довѣріемъ на-
рода, будетъ расходовать ихъ на дѣло народа.**

**Всѣ кто любить родину, подписывайтесь
на заемъ свободы.**

www.books2ebooks.eu